

святых“ (стр. 237—271), которая едва ли правильно включена в раздел „Теология и история церкви“.

Опираясь на достижения советской науки о древнерусской литературе, статья правильно объясняет быстрый расцвет самобытной литературы на Руси в XI и начале XII в., во-первых, наличием в предшествующие века развитой традиции устного народного творчества и, во-вторых, начатками своей письменности еще до принятия христианства. Однако собственно литературные произведения появляются на Руси лишь со времени официальной ее христианизации — в XI в.

Из всех литературных жанров, представленных в письменности киевского периода, наибольшую связь с византийской литературой имеет жанр „житий“. Анализ тех из них, которые были составлены русскими авторами, доказывает, что эти последние были хорошо знакомы со многими жизнеописаниями как раннехристианских, так и византийских церковных деятелей. Именно в это время, около 1000 г. н. э., в византийской агиографии происходит сдвиг, имевший громадное историко-литературное значение. Симеон Логофет, обычно называемый Метафрастом, совершает стилистическую переработку более ранних сказаний о святых, составленных в просторечной манере и содержавших многочисленные выражения из простонародного языка. В угоду господствовавшей в то время тенденции Метафраст делает стиль византийских „житий“ изысканным и, искусственно архаизируя их язык, отрывает тем самым от обычной разговорной речи простого народа. Такие метафрастовские переработки агиографической литературы приобретают чрезвычайно быстро широкое распространение в византийской письменности XI столетия, однако наряду с ними продолжают переписываться и распространяться и старые, дометафрастовские изводы.

Возникает чрезвычайно интересная проблема, до сих пор еще никем не исследованная и не разрешенная: с какими именно редакциями византийских житий — с метафрастовскими, стилистически обработанными, или с более древними и менее совершенными в отношении формы — связаны возникающие в это время древнерусские агиографические произведения? Исследовательница своевременно и правильно ставит этот вопрос и пытается разрешить его, анализируя главным образом древнерусские литературные произведения, имеющие отношение к культу Бориса и Глеба. (Исследованию этих произведений посвящается в наши дни немало работ как в советской науке, так и за рубежом. Автор статьи показывает свое знакомство с большинством этих исследований). Как известно, древнейшее „Житие Бориса и Глеба“ дошло до нас в трех основных редакциях: летописной, по тексту „Повести Временных лет“ под 1015 г.; так называемого „Сказания... о Борисе и Глебе“ и так называемого „Чтения“, автором которого, бесспорно, был Нестор Летописец.

Соотношение и датировка этих трех редакций до сих пор представляет собой предмет спора. В согласии с советскими исследователями автор статьи считает наиболее древней и первоначальной летописную редакцию. В отношении датировки и взаимосвязи между вторым и третьим произведениями автор статьи, приведя противоположные взгляды Шахматова и Богуславского, оставляет вопрос открытым.

Детально сопоставляя стиль летописного рассказа, в котором еще ясно проступает первоначальная „светская“ повесть о кончине двух братьев-князей, со стилем „Сказания“, автор статьи показывает, что последнее произведение сознательно перерабатывает свой первоисточник в духе тех требований, которые характеризуют метафрастовскую манеру изложения. „Чтение“ Нестора тоже стилистически перерабатывает лето-